

Пролог

21 марта 1879 г.

*Юг Тихого океана. Побережье Чили
Вблизи порта Икике*

Струя из брезентового рукава, направляемого руками смуглолицего матроса, окатила палубу. Вода расплескивалась по сторонам прозрачными искрящимися брызгами, но ручейки, стекающие в шпигаты, были мутными, розовыми от смывтой с тиковых досок крови.

Порядок на военном корабле прежде всего, даже если огромные стволы еще теплые от недавних выстрелов, если броня башни и каземата испещрена следами попаданий, а краска, предмет особой заботы всякого боцмана, ободрана осколками и щепками от разбитого вражескими снарядами рангоута. Кровавые лужицы пятнали изуродованную палубу, скапливаясь в трещинах и выщербинах тиковых досок, там, где по ним прошлись очереди картечницы.

Когда бомба, пущенная с дистанции в полтора кабельтова из башенного орудия, разнесла один из котлов «Эсмеральды» и перебила всех, находящихся в кочегарках, корвет потерял ход. Правда, попытка ударить тараном перуанцам не удалась, но картечный залп из пары десятидюймовок (бой

к тому моменту велся уже не на пистолетной, а на ножевой дистанции) прошелся по вражеской палубе метлой смерти.

Командир корвета капитан Артуро Пратт, подгоняемый то ли безумной храбростью, то ли осознанием неизбежного конца, перепрыгнул на возвышающийся бак монитора, размахивая саблей и револьвером. Увы, команда не поддержала его порыв, и за Праттом последовал только один человек, сержант морской пехоты. Оба храбреца немедленно были застрелены, «Уаскар» же дал задний ход, отошел на половину кабельтова и снова ринулся на таран.

Тогда-то остатки команды несчастной «Эсмеральды» и кинулись в отчаянии на abordаж — и могли бы добиться успеха, если бы не «гатлинг», встретивший осатаневших после героической, но совершенно бессмысленной гибели Пратта чилийских матросов. Тяжелые пули прошивали человеческие тела, раскалывали тщательно выскобленные тиковые доски и бессильно отскакивали от броневого палубы. Дюжина человек была сметена в считанные секунды. Это их кровь смывали сейчас в шпигаты бурлящие струи воды.

— Поздравляю вас, сеньор адмирал! — Голос вахтенного офицера прерывался от восторга. — Это грандиозная победа! Теперь чилийцы сто раз подумают, прежде чем выйти в океан!

Мигель Грау досадливо поморщился. Ему отчего-то сделалось неловко за мальчишку. Еще один такой наивный энтузиаст лежит сейчас с маленькой дыркой посреди лба в судовом лазарете — единственная жертва этого боя. Впрочем, единственная ли?

— Прислушайтесь, мичман... — Он указал сложенной подзорной трубой на зюйдовую сторону горизонта, откуда то и дело доносился глухой гул. — Что скажете?

Юноша с недоумением воззрился на начальство.

— Орудийная канонада, сеньор адмирал. Думаю, это «Индепенденсия» добывает «Ковадонгу».

«Индепенденсия», броненосный фрегат британской постройки, под командой капитана первого ранга Хуана Гильермо Мура, сопровождала «Уаскар» в этом рейде. В самом начале боя, когда монитор сцепился с незадачливой «Эсмеральдой», адмирал передал Муру приказ: преследовать второй чилийский корабль, канонерку «Ковадонга», пытающуюся уйти, прижимаясь к прибрежному мелководью.

— У наших преимущество в ходе почти в два узла, — продолжал тем временем мичман. — Так что чилийцам от них не...

Адмиральский указующий перст, обтянутый белым шелком, взлетел к небесам.

— По-вашему, мы слышим главный калибр «Индепенденсии»?

Мичман прислушался — и недоуменно нахмурился.

— Пожалуй, вы правы, сеньор. Для семи дюймов звук несколько... жидковат.

— А я о чем? Чилийская же канонерка несет семидесятифунтовки, и я готов поклясться мощами Санта-Розы де Лима, что это их нежный голосок. А теперь спросите себя: почему молчат пушки фрегата?

И дождавшись, когда лицо сопляка нальется краской смущения, добавил:

— То-то, мичман. Боюсь, мы выиграли всего лишь первое и далеко не самое крупное сражение тяжелой войны. Командуйте штурвальным поворот. Идем на помощь Муру. Что-то у меня дурные предчувствия...

— Вижу дымы! — заорал сигнальщик. — Мачты вижу! Два судна на зюйд-зюйд-тень-ост! Дистанция...

Адмирал, не дожидаясь, пока унтер закончит возиться с микрометром Люжоля, раздвинул свою подозрную трубу (новомодных апризматических биноклей он не признавал), подкрутил резкость, взгляделся и нахмурился. Увиденное ему решительно не понравилось.

На горизонте ясно различались в оптических стеклах два комплекта мачт. Один принадлежал гафельной шхуне. «Ковадонга», чилийская канонерка! И второй: куцые, укороченные перед боем по самые бочкообразные боевые марсы мачты «Индепенденсии», красы и гордости флота Республики Перу! Но... почему эти мачты так нелепо перекошены?

Предчувствия не обманули адмирала. Преследуя «Ковадонгу» и конвоируемый ею пароход «Ламар», командир броненосного фрегата допустил роковую ошибку. Не добившись успеха в стрельбе из погонного орудия (единственная попавшая в цель бомба пронзила, не разорвавшись, деревянный корпус канонерки), он утратил хладнокровие и попытался завершить схватку таранным ударом. Но не тут-то было: командир «Ковадонги», тридцатишестилетний капитан первого ранга Карлос Конделл, умело маневрировал на мелководье вблизи берега, раз за разом уворачиваясь от смертоносного бивня. И — удача любит храб-

рецов! Когда «Индепенденсия» приблизилась на один кабельтов и уже готова была поразить хрупкое суденышко своим носорожьим бивнем, пуля, пущенная со шканцев, насмерть поразила рулевого. Продолжая начатый поворот, бронированный утюг на полном ходу вломился на каменистую банку — и замер с сильным креном на правый борт.

На этом сражение закончилось, началось избивание. Могучий главный калибр броненосца сразу стал бесполезен — на огонь «Ковадонги» отвечала единственная картечьница Гатлинга. А Конделл не торопясь зашел на «Индепенденсию» с кормы и принялся громить ее продольными залпами. И пока не возникла на горизонте единственная мачта «Уаскара», успел всадить в броненосец дюжину разрывных бомб. После чего помахал перуанцам ручкой и отправился догонять «Ламар».

Мигель Грау, провозившись до ночи с попытками стащить искалеченный броненосец с мели, плюнул и приказал Муру сжечь «Индепенденсию», предварительно сняв с нее пушки. И даже из этого мало что получилось: матросы, измотанные долгим боем, переправили на берег лишь две бесценные (с современной артиллерией у перуанцев дела обстояли неважно) армстронговские семидюймовки.

Так что адмирал в итоге оказался прав: это была лишь первая победа. К тому же, как выяснилось, пиррова, ведь даже такому неисправимому энтузиасту, как вахтенный мичман «Уаскара», не доставало бы оптимизма назвать равноценным размен броненосного фрегата, самой мощной боевой единицы перуанского флота, на старый деревянный корвет.

Часть первая

ИГРЫ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

I

Май 1879 г.

Англия. Лондон

За три месяца до описываемых событий

Улицы Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс-стрит, расходящиеся от Сент-Джеймского дворца, разительно отличаются от неухоженных улочек, тянущихся всего в нескольких кварталах оттуда. Здесь настоящий имперский Лондон: выскобленные до блеска мостовые, строгие, как премьер-министры, констебли, великолепные лошади в дорогих экипажах. Район слывет джентльменским оазисом, оплотом холостяцкой жизни лондонского общества. Его так и называют: Клабленд. Тринадцать джентльменских клубов, оплот традиций, оплот политической и общественной жизни лондонской элиты. Вернее сказать, мужской ее части — женщины в заведения Клабленда не допускаются ни при каких обстоятельствах.

Клабленд начинается от площади Ватерлоо, у самого подножия мемориала гвардейцам в шинелях и лохматых медвежьих шапках, погибшим в Крымской войне. Фигуры эти, как и фигура Флоренс Найтингейл, первой, если верить бри-

танским историкам, сестры милосердия, отлиты из бронзы русских пушек, взятых в захваченном Севастополе — весьма, весьма актуальное напоминание в свете текущей политики Британской империи. Увы, сравнение это отнюдь не в пользу дня сегодняшнего...

Итак, Клубленд. Средоточие лондонской политики. «Реформ-клуб» лейбористов и оплот их политических недругов, консервативный «Карлтон-клуб». А неподалеку — «Клуб путешественников», членам которого вменялось в обязанность хотя бы раз в год удаляться от Лондона не менее чем на пятьсот миль. Другая достопримечательность этого клуба — комната под названием «Кофейная», единственное место в клубе, где нельзя пить кофе.

«Если вы уже стали членом клуба, примите наши поздравления, однако не стоит привлекать излишнее внимание к этому. Даже если клуб входит в число знаменитых, сообщить о своем новом статусе полагается как бы между прочим, спокойно, слегка небрежно.

Если вы пригласили в клуб гостя, имейте в виду, что он может быть не знаком с его правилами, и лучше рассказать о них заранее. Встречайте гостей у входа, а еще лучше — приходите вместе с ними. Если же пригласили вас, имеет смысл заранее уточнить у приглашающего нюансы.

Недопустимо обсуждать в публичных беседах доходы, семью, детей; о политике тоже лучше не говорить, для этого есть специально отведенное время и место. Не стоит также блистать неумеренным остроумием. О чем же говорить, о погоде? Как ни удивительно, но именно о ней. Погода —

очень важная тема, ее можно обсуждать с различными нюансами и примерами, не боясь никого задеть...»

Нет, не о погоде беседовали двое, с комфортом устроившиеся в креслах у большого мраморного камина, главного украшения «Кофейной». Если состояние атмосферы и занимало этих достойных джентльменов, то лишь в краях, весьма и весьма отдаленных не только от Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс-сквер, но и от меловых утесов Дувра, окаймляющих юг Англии.

— Вам следует поторопиться, друг мой. Эскадра выходит из Портленда через неделю, чтобы оказаться в Южной Атлантике до начала сезона весенних штормов. А вам, прежде чем подняться на борт посудины ее величества, предстоит еще визит в Париж — по тому же делу, — говорил невысокий джентльмен с круглым, украшенным пышными усами лицом, что делало его до некоторой степени похожим на сэра Рэндольфа Черчилля, известного возмутителя спокойствия в Палате общин. Часовая цепочка, свитая из золотых нитей в виде якорного каната, неприметная орденская розетка в петлице фрака и полустертая татуировка в виде якоря у основания большого пальца выдавали в нем моряка.

— Для вас приготовлена каюта на корвете «Боадицея». Капитан предупрежден, никто не будет докучать вам вопросами. Для команды вы — ученый-лингвист, отправляющийся изучать языки племен Южных Анд.

— Слабовато верится, милорд, — отозвался второй джентльмен. — Чертовы репортеры растиражировали мою физиономию по всем лондонским

печатным листкам. Теперь меня каждая собака узнает, если обнюхает...

И верно, внешностью он обладал весьма примечательной: лет пятидесяти или немного больше, очень смуглое костлявое лицо с широким лбом и раздвоенной бородой. Левую щеку украшал глубокий уродливый шрам. Бросалась в глаза трость с массивным набалдашником из слоновой кости и инкрустацией в виде арабской вязи, украшающей темный, почти черный дуб. Вопреки принятым в клубе порядкам смуглолицый не отдал трость при входе лакею, а взял с собой и вертел в пальцах даже сидя в кресле.

— Ну, так вы сами и виноваты, дорогой Ричард! После ваших скандальных публикаций о любовных обычаях обитателей Востока газеты в вас души не чают... на свой манер, разумеется. Вы для них — постоянный источник скабрзностей, скандалов и увлекательных историй.

— Не стоит преувеличивать, милорд. — Смуглолицый скривился в усмешке, которую впечатлительный человек мог бы назвать оскалом. — Когда это было! С некоторых пор я торчу безвылазно на консульской должности в Триесте и веду жизнь до отвращения благочестивую и размеренную.

— Как, например, во время недавнего визита на Ближний Восток? — И моряк тонко усмехнулся в усы. — Кстати, русские до сих пор считают вас погибшим. Не стоит разочаровывать их, дорогой Ричард, тем более что дела вам предстоят весьма серьезные. На вашем месте я бы сбрил бороду, все же так вас будет труднее узнать.

— Кому надо, узнают, — буркнул смуглолицый, машинально потерев шрам. — Я прибуду на борт

«Боадицеи» перед самым выходом в море, а уж там пусть узнают сколько угодно. Надеюсь, на военных кораблях ее величества нет русских шпионов?

— Я бы тоже хотел на это надеяться, — вздохнул моряк, — хотя теперь ни в чем нельзя быть уверенным. Наши агенты в Петербурге докладывают, что при русском адмиралтействе создан особый департамент, занимающийся исключительно разведкой. Кстати, возглавляет его ваш старый знакомец граф Юлдашев. Не забыли, надеюсь?

— Такое, пожалуй, забудешь... — Сухие, похожие на узловатые корни пальцы стиснули shaft трости. — Ведь это его я должен благодарить за срыв операции в Порт-Саиде.

— Ничего, друг мой, срывы случаются у кого угодно, — примирительно отозвался собеседник. — Даже у великого Шекспира были неудачные строки. Но теперь все в ваших руках.

Он взял с каминной полки большой конверт темно-коричневой бумаги, запечатанный пятью вишневыми сургучными печатями.

— Здесь подробности вашего нового задания. Документы, рекомендательные письма к некоторым высокопоставленным лицам в Чили и Аргентине. Вы ведь, если мне не изменяет память, бывали в тех краях?

— Память вам не изменяет, — сухо отозвался смуглолицый. — Я несколько лет состоял в должности консула в бразильском Сантусе и немного попутешествовал по стране.

— Немного — это когда вы пересекли континент с востока на запад и встретили Рождество, отстреливаясь в Андах от враждебно настроенных индейцев? А когда такая спокойная и размеренная

жизнь вам наскучила, отметились на фронтах какой-то мелкой местной заварушки?

— Если вам угодно назвать мелкой заварушкой жуткую резню, которую уругвайские мясники учинили в Парагвае вместе со своими союзниками из Бразилии и Аргентины, то да, сподобился, побывал. И желал бы поскорее забыть о том, чему стал там свидетелем. Три тысячи детских трупов на поле сражения при Акоста-Нью до сих пор видятся мне в ночных кошмарах.

— Ну-ну, друг мой! — И моряк примирительно поднял перед собой ладони. — Не стоит принимать это так близко к сердцу. Туземцы, если, конечно, оставить их без присмотра, режут друг друга, предаваясь этому занятию с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Зато во время своих латиноамериканских странствий вы перевели на английский местные сказания аборигенов, а заодно и бессмертные поэмы великого Камоэнса. Надеюсь, вы владеете испанским не хуже, чем португальским?

Вопрос был праздным. Обоим было отлично известно, что смуглолицый, будучи чрезвычайно одаренным лингвистом, более-менее уверенно владел несколькими десятками языков и наречий, включая арабский, суахили и язык индейского племени тупи-тупи.

— Так вот, дружище, это задание — ваш шанс реабилитироваться в глазах первого лорда Адмиралтейства, а то и самого премьер-министра. Они, знаете ли, косо смотрят на вас после провала в Порт-Саиде. И тогда... — Тут моряк сделал многозначительную паузу. — И тогда, надеюсь, я смогу назвать вас сэром Ричардом Фрэнсисом Бертоном.